

ЖАНР ЖИТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО

ANDREI A. ZLOBIN

GENRE OF LIFE IN THE WORKS BY EPIPHANIUS THE WISE

**Андрей Александрович
Злобин**

кандидат филологических наук,
доцент

► zlobin_andrei@mail.ru

Вятский государственный университет,
Российская Федерация, 610000,
Киров, ул. Московская, 36

Andrei A. Zlobin

PhD in Philology,
Associate Professor

Vyatka State University,
36, ul. Moskovskaya, Kirov,
610000, Russian Federation

Данная статья посвящена своеобразию агиографического жанра в творчестве выдающегося писателя конца XIV — начала XV в. преподобного Епифания Премудрого. Изучена специфика и структура житийных текстов, представлена их классификация, подчеркнута связь оригинальных древнерусских произведений с византийским агиографическим каноном. По мнению автора статьи, агиографический жанр достигает вершины в своем развитии в эпоху формирования централизованного русского государства. Епифаний Премудрый, признанный мастер своего времени, создавая агиобиографии святителя Стефана Пермского (святительский тип жития) и Сергия, игумена Радонежского (преподобнический тип жития), опирается на ранневизантийскую и средневековую отечественную традиции и рождает новый стилистический принцип, который получил название «плетение словес» (синонимические ряды эпитетов, лексические повторы, анафоры, приемы гомеотелевтона, гомеоптотона, ритмизация текста и др.). Именно благодаря новой манере повествования впервые в отечественной словесности открывается возможность фиксации внутренней жизни православных подвижников и изучения их духовного опыта. Автор статьи, рассматривая «Житие Стефана Пермского» и «Житие Сергия Радонежского», созданные Епифанием Премудрым, актуализирует их значение в формировании феномена святости и приходит к выводу о тесной связи данных агиографических произведений с магистральной линией русской литературы XIX и XX вв., соотносенной с вниманием к внутреннему миру человека, его духовным исканиям и душевным переживаниям. Предлагается включить тексты Епифания Премудрого в список дополнительной литературы для школьников, обосновывая это тем, что знакомство с произведениями выдающегося книжника подготовит обучающихся к вдумчивому чтению и более глубокому осмыслению романов русских писателей XIX и XX вв.

Ключевые слова: жанр жития, древнерусская литература, византийский агиографический канон, стиль «плетение словес», Епифаний Премудрый, Стефан Пермский, Сергей Радонежский.

This article is devoted to the study of the originality of the hagiographic genre in the work of the outstanding writer of the 14th–15th centuries, the Reverend Epiphanius the Wise. The specifics and structure of hagiographic texts are studied, their classification is presented, the connection of the original Old Russian works with the Byzantine hagiographic canon is emphasized. According to the author of the article, the hagiographic genre reaches its peak in its development in the era of the formation of a centralized Russian state. Epiphanius the Wise, a recognized master of his times, creating hagiobiographies of St. Stephen of Perm (the saintly type of life) and Sergius, abbot of Radonezh (the reverend type of life), relies on early Byzantine and medieval Russian traditions and creates a new stylistic principle, which was

called “weaving of words”: synonymous series of epithets, lexical repetitions, anaphors, techniques homeotelevton, homeoptoton, text rhythmization, etc. It is thanks to the new manner of narration that, for the first time in Russian literature, the possibility of fixing the inner life of Orthodox ascetics and studying their spiritual experience opens up. The author of the article, analyzing the “Life of Stephen of Perm” and “Life of Sergius of Radonezh”, created by Epiphany the Wise, actualizes their significance in the formation of the phenomenon of holiness and comes to the conclusion that these hagiographic works are closely related to the main line of Russian literature of the 19th and 20th centuries, associated with attention to the inner world of man, his spiritual quest and spiritual experiences. The author suggests including the texts of Epiphanius the Wise in the list of additional literature for schoolchildren, justifying this by the fact that familiarity with the works of the outstanding scribe will prepare students for thoughtful reading and deeper understanding of the novels of Russian writers of the 19th and 20th centuries.

Keywords: genre of life, ancient Russian literature, Byzantine hagiographic canon, the style of “weaving words”, Epiphanius the Wise, Stephen of Perm, Sergius of Radonezh.

Введение

Средневековая отечественная словесность создавалась в период с XI по XVI в. Как справедливо отмечает В. В. Кусков, «древнерусская литература является тем прочным фундаментом, на котором возводится величественное здание национальной русской художественной культуры XVIII–XX вв.» [Кусков 2012: 4].

По мнению Д. С. Лихачева, литература формирующейся великорусской народности уже имела особую систему жанров. В фундаментальном труде «Поэтика древнерусской литературы» он отмечает следующее: «Жанры составляют определенную последовательность в силу того, что они порождены общей совокупностью причин, и потому еще, что они вступают во взаимодействие, поддерживают существование друг друга и одновременно конкурируют друг с другом» [Лихачев 1979: 56].

Вместе с православным христианством Древняя Русь приняла систему жанров церковной письменности, которая сложилась в Византии. Еще не было жанров в их современном литературоведческом понимании, а существовали определенные каноны, закрепленные постановлениями Вселенских соборов, церковными преданиями и традицией. Церковная литература была неотъемлемой частью храмового богослужения, монастырского

обихода, проповеди, домашнего душеполезного чтения. Н. И. Прокофьев отмечает: «Специфическими особенностями средневекового мирозерцания была обусловлена система жанров древнерусской литературы, подчиненная практическим утилитарным целям — как нравственным, так и политическим» [Прокофьев 1975: 13].

Жанры древнерусской словесности четко дифференцированы на *церковные* и *светские* (*мирские*). Первые отличаются большим разнообразием: *житие* («Житие Авраамия Смоленского»), *хождение* (*хождение*) («Хождение игумена Даниила»), *слово* («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона) и др.

Особое место в системе жанров занимало *житие*, центром которого было жизнеописание человека, причисленного церковью к лику святых. Агиографический жанр — один из доминирующих в отечественной средневековой литературе XI–XV вв.

Первые восточнославянские жития сформировались в тесной зависимости от древних образцов византийской агиографии. Русские книжники обрели высочайшие образцы духовно-религиозной героики, сформировавшийся идеал святости. Подобного рода произведения не были однородны, поскольку отражали различные подвиги людей, причисленных к лику святых [Злобин 2015: 182]. Данный факт свидетельствует о возможности классификации древнерусских житийных текстов. В частности, достаточно четко выделяются следующие типы агиографических сочинений: *преподобнические* («Житие Феодосия Печерского»), *мученические* (*мартирии*) («Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба»), *святительские* («Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа»), *равноапостольские* («Житие Владимира Крестителя»), *благодарных князей* («Житие Димитрия Донского») и др.

Одной из отличительных особенностей средневековой отечественной словесности является анонимность, имперсональность произведений. Это было следствием сакрального отношения древнерусского книжника к своему труду. Процесс создания текстов средневековые писатели

не воспринимали как личную заслугу, а связывали с особым действием Промысла Божия и Божественным даром, который необходимо было в самом себе обнаружить, а затем максимально развить, чтобы послужить делу спасения тех, кто впоследствии будет соприкасаться с произведениями. По этой причине не может быть установлено авторство многих текстов средневековой отечественной словесности. В. В. Кусков пишет: «В лучшем случае нам известны имена отдельных авторов, “писателей” книг, которые скромно ставят свое имя либо в конце рукописи, либо на ее полях, либо (что гораздо реже) в заглавии произведения. При этом писатель не преминет снабдить свое имя такими эпитетами, как “худой”, “недостойный”, “многогрешный”. В большинстве же случаев автор произведения предпочитает оставаться неизвестным...» [Кусков 2012: 4–5].

Биографические сведения о древнерусских писателях скудны, данные об объеме их творчества, характере их общественной и просветительской деятельности также весьма ограничены. Несмотря на это известны имена некоторых великих книжников Древней Руси, внесших неоценимый вклад в формирование отечественной культуры и русского национального самосознания. Это преподобный Нестор, агиограф конца XI — начала XII в., несший послушание летописца в Киево-Печерском монастыре; святитель Иларион, богослов и первый русский по происхождению митрополит в Киеве (1051–1054); преподобный Епифаний Премудрый (2-я половина XIV — 1-я четверть XV в.), духовный писатель и философ, иеромонах Троице-Сергиева монастыря; книжник XVI в. святитель Макарий (1482–1563), митрополит Московский и всея Руси и др.

Обсуждение

Выдающимся духовным писателем Московской Руси конца XIV — начала XV в., продолжившим лучшие традиции книжников Киевской Руси и открывшим новую стилистическую манеру изображения жизни и подвигов агиографических героев, является Епифаний Премудрый [Злобин 2023].

Вопрос об объеме творческого наследия известного философа-богослова, духовника Троице-Сергиева монастыря, в котором прошла большая часть его жизни (31 год), открыт. Однако некоторые исследователи (В. В. Кусков, Г. М. Прохоров) сходятся во мнении, что Епифанием Премудрым создано как минимум два крупнейших произведения: «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа» (далее — «Житие Стефана Пермского») и первоначальное житие великого русского подвижника, входящее «в число вершин русской агиографии» [Прохоров, Дробленкова 1988: 216], отредактированное впоследствии Пахомием Логофетом (далее — «Житие Сергия Радонежского»).

Творчество Епифания Премудрого связано с общим подъемом национального самосознания, вызванного победой русских на Куликовом поле. Автобиографические сведения, оставленные писателем на страницах собственных сочинений, сообщают, что он совершал путешествия по христианскому Востоку и Афону, во время которых познакомился с лучшими образцами византийской, болгарской и сербской литератур. Разносторонность интересов Епифания Премудрого сблизила его с выдающимся мастером Феофаном Греком. По мнению В. В. Кускова, «беседы с художником не прошли даром для писателя: эмоциональной экспрессии Феофановой кисти соответствует словесная экспрессия Епифания» [Кусков 2012: 168].

Известно, что Епифаний Премудрый вдохновлялся творениями своего современника — знаменитого иконописца Андрея Рублева, был близким другом просветителя края коми-пермяков, святителя Стефана Пермского, учеником преподобного Сергия Радонежского, сподвижником митрополита Киприана.

Начало духовного и творческого пути Епифания Премудрого связано с монастырем Григория Богослова, где он принял постриг и встретился с будущим героем своего произведения — молодым монахом Стефаном, уроженцем города Устюга, впоследствии ставшим епископом и просветителем Пермского края. В «Житии Стефана Пермского» говорится о том, что Епифаний и Стефан вели многочисленные богословские беседы, часто

вступая в полемику по тем или иным вопросам: «...спирахся о коемждо стисе, или о строце» [Гудзий 1947: 187].

Ростовский монастырь, находившийся при епископской кафедре, имел благотворное влияние на формирование личности будущего писателя и его особого стиля. Здесь была обширная библиотека («книгы многы бяху ту довольны» [Гудзий 1947: 184]), благодаря которой Епифаний Премудрый познакомился с византийской литературой, изучил Священное Писание, труды античных философов, духовное наследие Отцов Церкви.

Создавая агиобиографии своих современников, Епифаний Премудрый стремился показать величие и духовную красоту подвижников благочестия, стремящихся к осуществлению христианского идеала жизни и своего пастырского призвания.

«Житие Стефана Пермского», написанное в течение двух лет после смерти Стефана, является первым святительским житием на Руси, актуализирующим новый тип христианского подвига — миссионерское служение [Злобин 2021].

Узнав о смерти Стефана Пермского (в 1396 г.), Епифаний Премудрый стал всюду собирать сведения о нем, значительно расширив их собственными воспоминаниями, а затем приступил к созданию жития. О работе над формированием текста памятника книжник рассказывает достаточно подробно: «О нем же слово изначала приходит еже от рожения его и издетска; и во уности, и во иночестве, и во священничестве, и во святительстве даже и до самого преставления его, еже добродетели его, еже и похвала, и елико подобная сим. Сиа же убо снисках и, zde и онде собравъ, предположих я же о житии его: ова слухом услышах, ова же от ученикъ его уведах яже о учительстве, управлении. Есть же другое, яко и своима очима видех, иное же и с самем беседовах многажды и от того навыхох; и прочая — елико вопрошах от старых мужь» [Гудзий 1947: 182].

Первая часть «Жития Стефана Пермского» напоминает многие памятники агиографической литературы XI–XIII вв. Епифаний Премудрый, как и древнерусские книжники, говорит о духовной пользе чтения и слушания житий святых. Он сообщает об источниках, на основе которых

формируется текст памятника, актуализирует мысль о том, что знал будущего святителя лично.

Далее следует традиционное самоуничижение автора: «Азъ, худый и недостойный, убогий инокъ» [Гудзий 1947: 183]. Сообщая читателям о цели предстоящего литературного труда, Епифаний Премудрый говорит о своем достоинстве, просит Бога восполнить его деяния, призывает в помощь благодать Святого Духа.

Автор, следуя традициям византийской агиографии, включает в текст рассказ о детстве святого, о его происхождении от благочестивых родителей — Симеона и Марии. Новым здесь является то, что Епифаний Премудрый акцентирует внимание на национальной идентичности Стефана Пермского — родом русский, славянского народа, прекрасно знавший русский язык: «Сий преподобный отецъ нашъ Стефан бе убо родом русинъ, от языка словеньска, от страны полунощныя, глаголемыя Двиньския, от града, нарицаемаго Устьюга» [Гудзий 1947: 183].

Данный факт, на взгляд автора настоящего исследования, свидетельствует о неравнодушии книжника к вопросам формирования русской нации, русского национального языка, русской государственности, которые приобрели первостепенное значение после Куликовской битвы.

Во второй части раскрывается во всей полноте образ великого миссионера, его апостольское служение зырянскому народу. Агиограф сообщает об упорном труде будущего просветителя по изучению текстов Священного Писания и богословской литературы, прекрасном знании греческого языка. Уже в детстве он «грамоте прилежаше, и книгам всяким вычению вдася». Греческие книги, с которыми не расставался Стефан («присно имяше я у себя») открывали ему — одному из немногих на Руси — путь к великой византийской культуре» [Федотов 1990: 133]. Епифаний Премудрый, который был его сомолитвенником и со товарищем в экзегетических трудах, сообщает много интересного о пытливости ума Стефана: он не довольствовался «бедным учением», но любил «умедливать», «пока до конца по истине не уразумеет» смысл каждого стиха. Встречая мудрого и книжного старца, он становился его «совопросником

и собеседником», «распытая ищемых скоропытне». Вся его жизнь свидетельствовала о его исключительном научном призвании. Однако «Стефан сам закрыл для себя этот, очевидно, дорогой ему путь» [Федотов 1990: 133].

Будущий святитель тщательно изучает дошедшие до него образцы пермского языка, создает зырянскую азбуку, а на ее основе — письменность. Позже он, получив благословение епископа Коломенского, переводит на этот новый язык Священное Писание и богослужебные тексты.

Агиограф детально описывает те испытания, которые мужественно претерпел святитель Стефан от людей, населявших в то время Пермский край: «Исперва убо сий Стефанъ много “зла пострада” от неверных пермянь, от некрещеных: озлобление, роптание, хухнание, хуление, укорение, уничтожение, досажение, поношение и пакость. Овогда убо прещение: смертью прещаху ему, овогда же убити его хотяху, иногда же оступиша его обаполь, въкругъ — около его, со ослопы и с великими уразы, смерть ему нанести хотяще» [Гудзий 1947: 185].

Миссионер-подвижник, несмотря на причиненные ему обиды и оскорбления, продолжает видеть в диких язычниках образ Божий и терпеливо и мужественно совершать свое служение, находясь в одиночестве и подвергаясь ежедневно смертельной опасности. Гнев, раздражение, ярость, дикие обычаи, невежество зырян Стефан Пермский покрывает христианской любовью. Интересно замечание Г. П. Федотова: «Епифаний не говорит о его монашеских подвигах — давая лишь понять, что он был истинным монахом — и не влагает в его уста обычных монашеских поучений. <...> Святитель Стефан отказывается от высокого идеала познания ради любви. Любви к тем язычникам, встреча с которыми в родном Устье некогда пронзила жалостью его сердце. Для них он совершает нисхождение из ученого затвора, свой плодотворный кенозис» [Федотов 1990: 133].

Терпение, мудрость, кротость, милосердие, христианская простота, нестяжательность святителя помогают бывшим идолопоклонникам понять лживость, ограниченность, суетность своих убеждений и в конечном счете отказаться от них. Разрушение кумирен было практическим

доказательством бессилия языческих богов. Проповеди христианства помогала и построенная в Усть-Выме, главном зырянском селении, церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Святитель Стефан украсил ее «яко невесту добру»: церковную утварь он привез из Москвы. Сюда приезжали и люди некрещеные подивиться «красоте и доброте здания церковнаго». По мнению Г. П. Федотова, «это была настоящая проповедь красотой. Зыряне были зачарованы, как некогда послы Владимира в цареградской Святой Софии» [Федотов 1990: 135]. Для людей, принявших крещение, святитель предлагал разумное понимание веры. Взрослые и дети обучались грамоте и впоследствии читали Псалтирь, Часослов, Осмогласник. «Так вместе с Христовой верой в стране совершенно дикой зажигается очаг христианской культуры. Ученый Стефан несет свою науку и в глушь первобытных лесов» [Федотов 1990: 135].

Нравственный облик подвижника-миссионера, его образ жизни, вдохновенные проповеди приводят сотни людей к пониманию православия как единственно верного пути к Богу и Царствию Небесному.

Епифаний Премудрый тщательно собрал имевшиеся конкретные сведения о просветительской деятельности Стефана и оформил изящный и торжественный панегирик, создав таким образом особый стиль — «плетение словес», который обогащал литературный язык своего времени, содействовал созданию оригинальных произведений, в центре которых — динамика чувств человека, его различные психологические состояния. Сам автор так характеризует свой стиль: «Да и аз многогрешный и неразумный, последуя словесем похвалении твоих, слово плетуици и слово плодяици, и словом почтити мняици, и отъ словесе похваление събираа, и приобретаа, и приплетаа...» [Гудзий 1947: 190].

Книжник, словно кружево, плетет словесную хвалу святителю. Богатство словаря и синонимические ряды лексем (до 20–25 единиц) помогают Епифанию Премудрому максимально полно изобразить многообразные миссионерские труды святителя земли Пермской: «Един тот был у нас епископ, то же был нам законодавецъ

и законоположник, то же креститель, и апостол, и проповедник, и благовестник, и исповедник, святитель, учитель, очиститель, посетитель, правитель, исцелитель, архиереи, стражевожь, пастырь, наставник, сказатель, отец, епископ» [Гудзий 1947: 186].

В жанровом отношении «Житие Стефана Пермского» находится на стыке житийной традиции и ораторской прозы, причем эпическое, повествовательное начало в нем ослаблено, поскольку автор больше интересуется не событийная, внешняя канва биографии святителя, а духовная оценка его подвигов.

Создавая новый тип агиографического текста, Епифаний Премудрый опирается на традиции эпидейктического красноречия XI в. («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона). Это обнаруживается в использовании приемов *гомеотелевтона* (созвучия окончаний) и *гомеоптотона* (равнопадежья), ритмизации текста. При помощи лексических повторов и анафор автор акцентирует внимание на самом важном в жизни святого. Например, главную заслугу Стефана Пермского Епифаний Премудрый видит в его просветительской деятельности, в создании зырянской азбуки, в переводе на пермский язык Священного Писания: *«Коль много лет мнози философи еллинстии събирали и составлявали грамоту греческую и едва уставили мнозему труды и многими времени едва сложили; пермскую же грамоту единъ чрънецъ сложилъ, единъ счинилъ, единъ калогерьъ, единъ мнихъ, единъ инокъ, Стефан глаголю, приснопомнимый епископъ, единъ в едино время, а не по многа времена и лета, якоже и они, но единъ инокъ, единъ въединеньи и уединяся, единъ, уединенный, единъ, един у единого Бога помощи прося, един единого Бога на помощь призываа, един единому Богу моляся и глаголя...»* [Гудзий 1947: 185–186].

Третья часть «Жития Стефана Пермского» сообщает о смерти святого, которая произошла в Москве во время одной из поездок святителя по делам епархии. Горе зырянских людей было велико, они долго оплакивали потерю своего духовного наставника. Автор расширяет традиционные рамки житийного заключения и вводит в него новые элементы, связанные с фольклорным жанром

плача: «Плач пермских людей», «Плач церкви пермской, когда овдовела и оплакивала своего епископа», «Плач и похвала пишущего инока».

Оригинальность произведения, созданного великим книжником, состоит в соединении сформировавшихся к этому времени литературных традиций с новым торжественным, витиеватым стилем — «плетение словес». Подобное сочетание позволило агиографу актуализировать новую грань христианского подвига — миссионерское служение, которое вслед за Стефаном Пермским продолжили просветители зырянского народа — Герасим, Питирим, Иона.

Второе крупное произведение Епифания Премудрого — «Житие Сергия Радонежского». Текст агиограф начал создавать, по его собственным словам, *«по лете убо едином или по двою по преставлении старцеве начях подробну мало нечто писати»* [Гудзий 1947: 180]. Известно, что преподобный Сергий Радонежский закончил свой земной путь в 1392 г., так что можно смело предположить: начало работы над его агиобиографией приходится на 1393 или 1394 гг. Над ней книжник трудился более четверти века: *«И имея же у себе за 20 лет приготованы такового списания свитки...»* [Гудзий 1947: 180].

В «Житии Сергия Радонежского» Епифаний Премудрый продолжает лучшие традиции древнерусской преподобнической агиобиографии. Самым первым произведением подобного рода стало «Житие Феодосия Печерского», написанное Нестором Летописцем в XI в. в строгом соответствии с византийским агиографическим канонам [Злобин 2015: 182].

О связи этих двух текстов, принадлежащих к разным эпохам, пишет Г. П. Федотов: «Как и в житии Феодосия, детство Сергия (Варфоломея) рассказывается не по литературным шаблонам, а по семейным преданиям»; «Основоположник нового иноческого пути, преподобный Сергий не изменяет основному типу русского монашества, как он сложился еще в Киеве XI века. Образ Феодосия Печерского явно проступает в нем, лишь более утончившийся и одухотворенный. Феодосия напоминают и телесные труды преподобного Сергия, и сама его телесная сила и крепость, и “худые

ризы», которые, как у киевского игумена, вводят в искушение неразумных и дают святому показать свою кротость» [Федотов 1990: 143–146].

«Житие Сергия Радонежского» насыщено богатым фактическим материалом, однако стиль изложения менее риторичен. Епифаний Премудрый с большой исторической точностью передает факты, связанные с биографией преподобного, созданием Троице-Сергиева монастыря и формированием централизованного Русского государства. В этом произведении писатель выступает мастером сюжетного повествования.

Епифаний Премудрый подчеркивает богоизбранность святого, рассказывая достаточно подробно о его детстве и юности. Особый смысловой акцент книжником сделан на нравственных качествах Сергия: глубокой вере в Промысел Божий, искании Царствия Небесного, трудолюбии, скромности, душевной чистоте, жертвенной любви к каждому человеку. Особо подчеркивается такая добродетель преподобного, как смиренная кротость. Автор с лирической теплотой говорит о личности святого, тайне его избранничества и особом служении русскому народу.

Созданный в начале XV в. в Московской Руси текст Епифания Премудрого в полной мере отражает специфику художественного метода древнерусской литературы, сформировавшегося в XI в. в Киевской Руси, и его ведущий принцип — *символизм*. В. П. Адрианова-Перетц в «Очерках поэтического стиля Древней Руси» отмечает: «Средневековый человек был убежден, что символы скрыты в природе и самом человеке, символическим смыслом наполнены исторические события. Символ служил средством раскрытия смысла, обретения истины. Как многозначны знаки окружающего человека видимого мира, так многозначно и слово: оно может быть истолковано не только в своем прямом, но и в переносном значениях. Этим определяется характер символических метафор, сравнений в древнерусской литературе» [Адрианова-Перетц 1947: 9].

Глубоко символичным в произведении является число *три*: находясь во чреве матери, будущий святой трижды прокричал во время Божественной литургии, в глуши радонежских лесов молодой

подвижник построил храм в честь Святой Троицы, всю свою жизнь — с младенчества и до последнего вздоха — он посвятил Пресвятой Троице. Символом великого служения преподобного Богу и неустанной заботы о вверенных его духовному попечению людях стала Свято-Троицкая Сергиева лавра. Весьма примечателен и тот исторический факт, что знаменитая «Троица» преподобного Андрея Рублева была создана в годы игуменства Сергия Радонежского и находилась в местном ряду иконостаса Троицкого собора. Г. П. Федотов отмечает: «Вспомним о посвящении всей его жизни Пресвятой Троице, — для бедной богословием Руси Пресвятая Троица ни до Сергия, ни после него не была предметом умозрения, — и мы с необходимостью придем к предположению, что в лице преподобного Сергия мы имеем первого русского святого, которого, в православном смысле этого слова, можем назвать мистиком, то есть носителем особой, таинственной духовной жизни, не исчерпываемой подвигом любви, аскезой и неотступностью молитвы. Видения суть лишь знаки, отмечающие неведомое» [Федотов 1990: 150].

Епифаний Премудрый, рассказывая о жизни Сергия, открывает особую — сокровенную — грань его избранничества. Он сообщает о мистических явлениях, свидетелями которых были ученики Радонежского игумена: Симон, Исаакий, Михей. Рамки преподобнического жития расширяются *видениями* горних сил: видением ангела во время совершения преподобным Божественной литургии, видением Богоматери, видением необычайно красивых птиц. Символический смысл последнего интерпретирует сам автор текста. Приведем фрагмент его толкования. Однажды ночью в своей келье преподобный слышит голос, называющий его по имени. Открыв окно, он видит необычайный свет в небе и множество «зело красных птиц», слетевшихся над его монастырем. Небесный голос дает ему обетование: «*Им же образом видел еси птицы сия, тако умножится стадо ученик твоих, и по тебе не оскудеют, аще восхотят стопам твоим последовати*» [Федотов 1990: 146–147].

По молитвам игумена совершаются чудеса. Однако даже в них он ищет возможности умалить себя, принизить свою духовную силу. Воскресив

мертвого ребенка, преподобный Сергей говорит пораженному отцу: «Прельстился еси, о человеце, и не веши, что глаголеши: отроча бо твое, носящу ти его семо, на пути студенью изнемогиши, тебе мнится, яко умре. Прежде бо общего воскресения не можно есть ожити никому же» [Федотов 1990: 146–147]. Свой источник он изводит из земли молитвой только из-за ропота монахов на отсутствие воды и запрещает называть его Сергиевым: «Яко да никогда же слышу от вас моим именем источник он зовуи; не бо аз дах воду сию, но Господь дарова нам недостойным» [Федотов 1990: 146–147]. Как и Феодосий Печерский, во дни голода и скудости Сергей Радонежский всецело уповает на Бога, и помощь является в виде посылки хлебов от таинственных христоролюбцев.

Епифаний Премудрый показывает, как игумен Сергей сочетает в себе глубокую молитвенную сосредоточенность, деятельную заботу о судьбе молодого русского государства и широкую миротворческую деятельность. Его бесценный духовный опыт говорил о том, что предстояние Пресвятой Троице — единственно правильный путь, способный привести к преодолению разделения, вражды, ненависти: «Воззрением на Святую Троицу преобладавать ненавистную рознь мира сего» [Кусков 2012: 171]. Монашеская жизнь обители Сергея неразрывно связана с благотворительностью. Сразу после принятия общежительного устава преподобный «заповеда нищих и странных довольно упокоевати и подавати требующим» [Федотов 1990: 147], связывая с исполнением этого христианского долга будущее монастыря.

О роли Сергея Радонежского в политическом и нравственном возрождении Русской земли говорит В. О. Ключевский: «Сергий своею жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем не все еще погасло и замерло. <...> Он открыл им глаза на самих себя» [Ключевский 1892: 29].

Выводы

Таким образом, житие в системе жанров древнерусской литературы занимает особое место. В центре агиографического произведения

уникальный духовный путь человека, исполнившего христианские заповеди и приблизившегося к евангельскому идеалу.

Епифаний Премудрый, богослов и писатель, к концу XIV — началу XV в. вошел в историю отечественной литературы как автор двух агиографий — святителя Стефана Пермского и преподобного Сергея Радонежского, выдающихся православных подвижников, труды которых определили направление вектора развития русского мира.

Следуя византийскому агиографическому канону, традициям древнерусских авторов, Епифаний Премудрый открывает новую стилистическую манеру — «плетение словес». Данный прием дал возможность исследования внутреннего мира личности. Пристальное внимание к душе человека стало магистральным направлением русской литературы и нашло отражение в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Шмелёва.

На взгляд автора настоящей статьи, было бы очень важным включить тексты Епифания Премудрого в список дополнительной литературы для школьников. Знакомство с произведениями выдающегося книжника подготовило бы обучающихся к вдумчивому чтению и более глубокому осмыслению романов русских писателей XIX и XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц 1947 — Адрианова-Перетц В. П. *Очерки поэтического стиля Древней Руси*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 132 с.

Гудзий 1947 — Гудзий Н. К. *Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII вв.* М.: Учпедгиз, 1947. 504 с.

Злобин 2015 — Злобин А. А. «Житие Феодосия Печерского» — первое преподобническое житие ранней русской агиографии. В сб.: *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: по мат-лам V Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 ноября 2015 г.* СПб.: Санкт-Петербургский горн. ун-т, 2015. С. 182–184.

Злобин 2021 — Злобин А. А. Святительское житие в древнерусской агиографической литературе (на примере «Жития Стефана Пермского» Епифания Премудрого). В сб.: *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: по мат-лам VIII Междунар. науч.-методич. конф., 28–29 октября 2021 г.* СПб.: Санкт-Петербургский горн. ун-т, 2021. С. 181–185.

Злобин 2023 — Злобин А. А. Преподобный Епифаний Премудрый — выдающийся древнерусский писатель. В сб.:

Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: по мат-лам IX Междунар. науч.-методич. конф., 19–20 октября 2023 г. СПб.: Санкт-Петербургский горн. ун-т, 2023. С. 198–201.

Ключевский 1892 — Ключевский В. О. *Благодатный воспитатель русского народного духа. Речь, произнес. в торжеств. собр. Моск. духов. акад. 26 сент. 1892 г. в память преподоб. Сергия проф. В. О. Ключевским.* 3-е изд. [Сергиев]: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1908. 150 с.

Кусков 2012 — Кусков В. В. *История древнерусской литературы: учебник для бакалавров.* 9-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2012. 336 с.

Лихачев 1979 — Лихачев Д. С. *Поэтика древнерусской литературы.* М.: Наука, 1979. 101 с.

Прокофьев 1975 — Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. В сб.: *Литература Древней Руси.* М., 1975. С. 13–19.

Прохоров, Дробленкова 1988 — Прохоров Г. М., Дробленкова Н. Ф. Епифаний Премудрый. В сб.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л.: Наука, 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV — XV в. Ч. 1. А–К. С. 211–220.

Федотов 1990 — Федотов Г. *Святые Древней Руси.* М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.

REFERENCES

Адрианова-Перетц 1947 — Adrianova-Peretz V. P. *Essays on the poetic style of Ancient Russia.* Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1947. 132 p. (In Russian)

Гудзий 1947 — Gudziy N. K. *A textbook on ancient Russian literature of the 11th–17th centuries.* Moscow: Uchpedgiz Publ., 1947. 504 p. (In Russian)

Злобин 2015 — Zlobin A. A. “The Life of Theodosius of the Caves” is the first reverend life of early Russian hagiography. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia v tekhnicheskome vuze:*

po materialam V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 19–20 noiabria 2015 g. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet Press, 2015. P. 182–184. (In Russian)

Злобин 2021 — Zlobin A. A. The Holy Life in the Ancient Russian hagiographic literature (on the example of the “Life of Stephen of Perm” by Epiphanius the Wise). In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia v tekhnicheskome vuze: po materialam VIII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, 28–29 oktiabria 2021 g.* St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet Press, 2021. P. 181–185. (In Russian)

Злобин 2023 — Zlobin A. A. Reverend Epiphanius the Wise is an outstanding ancient Russian writer. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnogo znaniia v tekhnicheskome vuze: po materialam IX Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, 19–20 oktiabria 2023 g.* St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gornyi universitet Press, 2023. P. 198–201. (In Russian)

Ключевский 1892 — Klyuchevsky V. O. *Is a gracious educator of the Russian national spirit. Speech, delivered in celebrations collection Moscow spirits acad. 26 Sep. 1892 in memory of Rev. Sergiya prof. V. O. Klyuchevsky.* 3rd ed. Moscow: Sviato-Troitskaia Sergieva lavra Publ., 1908. 150 p. (In Russian)

Кусков 2012 — Kuskov V. V. *History of ancient Russian literature.* 9th ed. Moscow: Iurait Publ., 2012. 336 p. (In Russian)

Лихачев 1979 — Likhachev D. S. *The poetics of ancient Russian literature.* Moscow: Nauka Publ., 1979. 101 p. (In Russian)

Прокофьев 1975 — Prokofiev N. I. On the worldview of the Russian Middle Ages and the system of genres of Russian literature of the 11th–16th centuries. In: *Literatura Drevnei Rusi.* Moscow, 1975. P. 13–19. (In Russian)

Прохоров, Дробленкова 1988 — Prokhorov G. M., Droblenkova N. F. Epiphanius the Wise. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi.* St. Petersburg: Nauka Publ., 1988. Iss. 2: Vtoraya polovina XIV — XV v. Ch. 1. A–K. P. 211–220. (In Russian)

Федотов 1990 — Fedotov G. *Saints of Ancient Russia.* Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1990. 269 p. (In Russian)